

О.А. ШАШКОВА

АРХЕОГРАФИЯ: СИМВОЛ СВОБОДЫ ИЛИ ЖЕРТВА ИДЕОЛОГИИ?

Роль археографии в становлении исторического знания, общественных представлений о прошлом (либо современности) бесспорна. В процессе ее “бытования” в социуме и активного взаимодействия с ним выявляется ряд важных закономерностей, которые становятся ясны лишь благодаря изучению *истории* этой науки. Если методике публикаторской деятельности в России традиционно уделялось значительное место, что нашло отражение в работах целого ряда теоретиков и практиков этой дисциплины и их последователей – А.А. Сергеева, А.А. Шилова, С.Н. Валка, А.И. Андреева, А.А. Зимина, М.С. Селезнева, Е.М. Добрушкина, Г.И. Королева, А.Д. Степанского, С.В. Чиркова, а также представителей академической науки М.Н. Тихомирова, С.О. Шмидта, В.П. Козлова, С.М. Каштанова и др., то истории отводилось подсобное значение. Причина такого положения кроется, вероятно, в необъятности предмета. По сути, многовековые традиции “обнародования” источников и их трансформации в общественном сознании – это история освоения всего документального, прежде всего, богатства, накопленного человечеством, которая началась со времен книгопечатания. Разные категории источников требуют разработки различных методов их публикации. Если представить, что эти методы складывались исторически, в прямой связи с возникновением, развитием (нередко затуханием) археографических центров, также в связи с потребностями времени формировались определенные правила воспроизведения текстов разных видов документов, то причины невнимания к истории археографии, ее отрыва от методики неясны.

В России исследование истории археографии получило некоторое развитие в связи с учебными целями. К середине 60-х годов XX в. преподаватели кафедры археографии Историко-архивного института И.И. Корнева, Е.М. Тальман, М.С. Селезнев, Д.М. Эпштейн предприняли удачную попытку написать учебники по преподаваемым дисциплинам¹. Предшественниками их на этом пути были С.Н. Валк и П.Г. Софинов, но в их исследованиях вопросы развития археографии решались конспективно². Впоследствии к проблеме обращались Е.М. Добрушкин, А.Д. Степанский, В.П. Козлов³, которые особо указывали на необходимость специального изучения истории публика-

Шашкова Ольга Александровна – кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, доцент кафедры археографии Историко-архивного института (ИАИ) Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

¹ Селезнев М.С., Корнева И.И., Тальман Е.М., Батаева Т.В., Эпштейн Д.М., Арапова Л.И. История советской археографии, вып. I–VI. М., 1966–1969; Тальман Е.М., Корнева И.И., Эпштейн Д.М. История археографии в дореволюционной России. М., 1969.

² Валк С.Н. Советская археография. М.–Л., 1948; Софинов П.Г. Из истории русской дореволюционной археографии. Краткий очерк. М., 1957.

³ Добрушкин Е.М. Основы археографии. М., 1992; Степанский А.Д. Археография отечественной истории XX века. М., 2004; Козлов В.П. Археографическое обозрение России. 1991–2013 гг. М., 2013.

торской деятельности. Возможно, прежняя недооценка этого сюжета базировалась на слабом знании зарубежного опыта, который по-настоящему начал приоткрываться для нас лишь благодаря работам Г.И. Королева, посвященным изучению медиевистической археографии в Западной Европе в XVI – начале XX в.⁴ Более детальное и параллельное изучение истории археографии этой науки и учебной дисциплины и в России, которое осуществляется в учебных курсах кафедры археографии в ИАИ РГГУ, позволяет выявить ряд закономерностей в развитии археографии – как прикладной науки и учебной дисциплины.

* * *

По прошествии почти 250 лет развития археографической традиции в России – в связи с началом издания русских летописей в 60-х годах XVIII в., и более 500 лет в странах Западной Европы – после публикации первых исторических памятников в самом начале “эры Гутенберга”, археография значительно эволюционировала. Она прошла путь от ремесла копииста – через представление о ней как ученом занятии для интеллектуалов интегрирующего характера – до, увы, науки весьма узкого профиля в представлении многих гуманитариев (и ряда историков в том числе).

Изучение истории археографии убеждает, что ее можно назвать в известном смысле “праматерью” ряда наук. Исторические знания начинают консолидироваться, оформляться в некие отрасли по мере расширения практики издания текстов. Факт публикации, широкого тиражирования, обнародования источника предъявлял к нему иные, чем в рукописный век, требования в смысле достоверности, проверяемости, подлинности. Уже к началу XIX в. от некогда обширного “материка” – археографии как “объяснения”, “описания древностей” (если понимать слово буквально), начинают отделяться, обретая собственный объект и предмет исследования, источниковедение и историография, вспомогательные исторические дисциплины и архивоведение. Специализация наук существенно раздробила и сузила массив прежнего представления об археографии, которая в первое столетие после появления термина (в 1678 г. в трудах Ш. Дюканжа) нередко отождествлялась с археологией.

Публикации источников, хотя и далекие от научных принципов, начинаются фактически с первых лет книгопечатания. “Большие французские хроники” известных и безымянных французских монахов и историописцев, “Церковная история народа англов” Беды Достопочтенного, “Биография Фридриха Барбароссы” монахини Гросвиты – эти и другие первые издания источников, хотя и не имевшие научного подхода, появились через три, пять, пятнадцать лет после того, как заработал печатный станок. Все самые ранние региональные исторические общества, собирая, фиксируя местные достопамятности, имели явный “археографический уклон”. Альдова академия (кон. XV в.), Рейнское научное общество (сер. XVI в.), Лондонское (Елизаветинское) общество антиквариев (1586), церковные научные общества болландистов (1615) и мавристов (1618), Палатинское общество (нач. XVIII в.), Общество истории и древностей российских (1804) – все они ставили задачу собирания и издания текстов. Именно антиквары и первые типографы XV–XVI вв., эрудиты более позднего времени, меценаты эпохи Просвещения, публикуя тексты определенных периодов или по конкретным темам, начали “конструировать” интересы современников. Так закладывалась археографическая база для будущих исследований.

Другой важнейшей чертой публикаторской практики является то, что уже с конца XVI в. она стала объектом внимания церковной, а затем и светской влас-

⁴ Королев Г.И. Медиевистическая археография за рубежом. Труды XVI–XVIII веков. М., 2001; *его же*. Медиевистическая археография за рубежом. Труды XIX – начала XX века. М., 2003; и др.

ти. Самые первые “войны документов” периода Реформации разразились на церковной ниве (хорошо известно выражение В. Гюго, что И. Гутенберг был предтечей М. Лютера). Аналогичная “война” имела место и на русской почве. По сути раскол русской церкви имел непосредственное касательство к вопросам передачи текста документов. Другое дело, что в России шли жаркие сражения за правильность издания канонических текстов, а не документов имущественного характера либо агиографической литературы, как это было в католической церкви. Именно поэтому в России не появились труды, равные “*De Re Diplomatica*” Ж. Мабильона. Начало книгопечатания имело глубокие последствия для археографии. Это чисто техническое изобретение обосновалось в Западной Европе и в России не только с разницей в столетие, но и в принципиально разных условиях: если на Западе книгопечатание сразу началось как частно-государственное, и власть (в том числе церковная) с разной степенью успешности боролась за право цензуры, то в России государственно-церковный патронат начал формировать особую модель взаимоотношений книгопечатания и власти, а затем – издания документов и власти.

Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. способствовала появлению первых серийных публикаций документов по международным отношениям практически во всех странах Европы. Эти серии осуществлялись королевскими и придворными историографами, крупными меценатами (Т. Раймер, Ж. Дюмон, Г.-В. Лейбниц, граф Н.Ф. Румянцев). Именно в связи с этим государство в XVIII – начале XIX в. впервые стало понимать ценность публикации источника “как он есть”. Так, впервые стали выпускаться серии документов, непосредственно финансировавшиеся государством, что свидетельствовало об осознании властью – церковной, светской – важности выхода в свет фундаментальных серий–“презентаций” национальной истории и привело впоследствии к формированию общенациональных традиций в области публикаторской деятельности. Параллельно процессам складывания централизованных государств появляется интерес к публикациям документов актового характера – источников, “автором” которых была официальная власть.

Вторая четверть XIX в. показала зарождение связи археографических проектов с историческими исследованиями, когда они стали выполняться в непосредственном сочетании друг с другом⁵. Примеры хорошо известны из истории исторической науки Франции, как первой, вступившей на этот путь: тематические публикации источников и труды Ф. Гизо – по истории Франции, Ж.-Ф. Мишо – по истории Крестовых походов, Ж. Бюшона – по истории Столетней войны. Ко второй половине XIX в. эта традиция переместилась в Германию, где замечательная серия “*Monumenta Germaniae Historica*” вовлекает в процесс взаимодействия историографии и археографии большую часть историков Европы вообще. Публикации стали восприниматься ученым сообществом как полноценный историографический факт. Они использовались в создании концепций по национальной или всеобщей истории. Применительно к России можно сказать, что несмотря на первоначальное отставание в масштабах публикаторской деятельности, именно благодаря публикациям Археографической комиссии и других первых отечественных археографических центров стали возможны фундаментальные труды по отечественной истории Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского и др. Со второй половины XIX в. работы ряда историков (Н.Ф. Дубровина, А.Ф. Бычкова, С.М. Соловьева, В.С. Иконникова и др.) проходили в непосредственной связи и на основе ими же впервые опубликованных источников⁶.

⁵ Некоторые черты этого процесса можно заметить в Англии на рубеже XVI–XVII вв., однако тогда сами публикации, создававшиеся историописателями (У. Кедменом, Дж. Стоу, У. Ламбером и др.), почти не имели черт научного подхода.

⁶ См.: Чирков С.В. Археография в творчестве русских ученых конца XIX – начала XX века. М., 2005.

Вопрос преемственности направления и содержания публикаторской практики, его преломление в исторических исследованиях XIX в. одновременно показывает, как публикаторская деятельность из состояния покровительствуемого властью научного занятия переходит в плоскость управляемого ею же. Это дает ей новое качество – археография становится “барометром” положения исторической науки в государстве. В то же время накопленный опыт публикаций, само качество археографической базы в большинстве стран Европы нередко стали отодвигать “пионерство” документальных публикаций при изучении ряда проблем прошлого. Однако в целом значение их сохраняется, и XX столетие подчеркнуло роль опубликованного источника с новой силой.

Серьезной особенностью археографической деятельности с начала XX в., вследствие ее все большего вовлечения в орбиту влияния государства, можно считать зависимость от “заказа власти” на исследование тех или иных проблем. Подчеркнула ситуацию Первая мировая война. Она способствовала возникновению в большинстве стран специализированных научных центров, поддерживаемых государством, целью которых было издание материалов по истории национального видения проблем войны, а в более широком понимании – складывания концепции современного общества. В СССР также появляются археографические центры, нацеленные только на публикацию источников современности и предшествовавшего периода: истории протестного движения, революции, партии большевиков. Именно эти темы стали преобладающими в довоенный период.

Характерная черта археографии рубежа XIX–XX вв. – вовлечение в научный оборот документов современности, когда время создания документа и время его публикации в качестве исторического источника стали сближаться. Издания материалов, синхронные происходящим или недавно свершившимся событиям, были не новостью и в XIX в., однако тогда они выполняли прежде всего информационную роль⁷. В XX в. такие документальные издания, выполненные без необходимой для историка рефлексии на события, но с явным политическим подтекстом, минимальным научно-справочным аппаратом, стали гораздо более частым явлением. Подобные издания далеко не равны научным археографическим публикациям, однако они самым активным образом участвуют в формировании концепции событий и создании общего “информационного фона”. Это принципиально новое явление, когда далекие от научных принципов подготовки издания начинают функционировать как растиражированный архивный документ, достоверность которого, однако, проверена быть не может. На этом поприще особенно известны многочисленные зарубежные публикации источников XX в., осуществленные по следам событий, главным образом военных, по международным отношениям. Они сразу начинают формировать перспективное видение проблем современности, причем в том ключе, который выгоден власти либо издателю, и в гораздо меньшей степени озабочены объективной реконструкцией событий⁸.

Вопросы финансирования, доступа к материалам, которые в советский период целиком находились в ведении власти, были определяющими. Определяющими всё:

⁷ Применительно к XIX в. в России и почти столетием раньше в Европе это относилось прежде всего к публикациям документов по истории войн и международных отношений. Одним из первых публикаторов документов – в качестве источника международного права – был Г.-В. Лейбниц, издавший в Ганновере в 1693 г. двухтомник “Кодекс международного дипломатического права”.

⁸ К сожалению, СССР, а теперь и РФ далеко отставали от подобной оперативности и нередко из-за отсутствия своевременных изданий без боя сдавали свои позиции. Например, современные фальсификации истории Второй мировой войны и роли СССР напрямую связаны с отсутствием фундаментальных документальных публикаций. Аналогичная ситуация в свое время складывалась и в отношении Первой мировой, – с той разницей, что в межвоенный период власть переключила все интересы на войну Гражданскую (тоже не удостоившуюся соответствовавших ей трагизму публикаций).

состав документов, их отбор, интерпретирование. Архивная политика серьезно влияла на содержание публикаторской деятельности, породив представление, что археография и архивоведение – “родные сестры”⁹.

Уже на заре советской власти в печать совершенно осознанно попало значительное количество ранее закрытых источников: по истории рабочего и крестьянского движений, выступлений разночинной интеллигенции, волнений в армии – вкуче с материалами, рисовавшими “гнилость” царского строя. Целью такого “выброса” стала реабилитация перемен. Попадая, однако, под влияние новой власти, которая и делала их доступными, эти документы в итоге стали фундаментом для построения очередных историко-политологических мифов. Абсолютизация протестного движения в России на рубеже XIX–XX вв., почти полное игнорирование позитивных явлений в ее экономике периода капитализма, а также национально-государственных стремлений части общественности и власти, – таковы были характерные черты проблематики публикаторской деятельности архивных органов. Значительную роль здесь сыграл и намеренный отрыв от академических кругов и институтов.

Однако массив опубликованных по определенной теме или в конкретный период источников, даже если он иллюстрирует официальную концепцию, мифологизирует прошлое, – самостоятельная информационная среда. Она создает собственную картину развития исторического процесса, давит или усиливает сложившиеся в обществе представления. И одновременно – требует постоянной фиксации и регистрации, ибо только в этом случае может иметь культурное и научное воздействие на общество. Пусть не самым удачным образом, но советская власть пыталась решать эту проблему путем планирования публикаторской деятельности архивов и ее учета силами сектора археографии во Всероссийском научно-исследовательском институте документоведения и архивного дела, созданного в 1966 г. Стоит заметить, что накопившаяся “критическая масса” изданий рано или поздно приводит к трансформации исторических концепций – “пирамида переворачивается”.

Именно XX в., и не только в России, показал, как ангажированный, фактологический, субъективный принцип отбора документов определяет грань, за которой прошлое – уже не материал для беспристрастного исследования, но объект интерпретации в интересах современности.

Постсоветский период вновь сделал злободневными проблемы подготовки и финансирования дорогостоящих археографических проектов, учета огромной археографической базы, качество которой к началу XXI в. было не по всем направлениям удовлетворительно. Серьезной проблемой современной археографии является отсутствие единого регистрирующего органа, учреждения, которое бы учитывало не только публикации федеральных архивов, но и весь спектр археографических изданий, выпускающихся издательствами (хотя они археографическими центрами в полной мере не являются), музеями, государственными или общественными фондами и т.п.

⁹ Подобное представление берет начало на рубеже XIX–XX вв. Оно, в частности, нашло отражение даже в существовании в стенах Московского археологического института (1907–1922) двух отделений: археологического и археографического. Если студенты археологического отделения имели дело с вещественными памятниками, то на археографическом изучали памятники письменности, понимая под этим всю область работы с документальными источниками (в том числе и те сферы, которыми ныне занимается архивоведение). Ближе к 20-м годам XX в., в связи с возложением на архивы несвойственной им роли “политического пропагандиста”, они начали выполнять в этом процессе сугубо вспомогательные функции – предоставлять копии документов для публикации, не особенно заботясь о качестве научно-справочного аппарата. Вопросы финансирования подготовки публикаций, которыми также занималось архивное ведомство, способствовали укоренению представлений об археографии (точнее, публикаторской деятельности) – как о важнейшем направлении деятельности архивов. Между тем еще историк права Д.Я. Самоквасов, директор Московского архива министерства юстиции, считал, что основная функция архивов – хранить документы.

Свобода печати и организация издательств, археографических центров с разной формой собственности, более либеральное в отношении доступа в архив законодательство вкупе со сложностями финансирования государственных архивов и свертывание их публикаторской деятельности – всё это существенно изменило вектор развития археографии нашего времени и содержание исследований. Однако не менее существенный момент – как эти проблемы влияют на тематику публикаций и традиционное для нашей страны планирование публикаторской деятельности.

Здесь напрашиваются определенные параллели, ибо есть существенные черты, сближающие судьбы археографии в России в начале и конце XX в. Прежде всего это касается направления публикаторской практики и содержания исследований: открытие секретных документов, в той или иной степени “десакрализировавших” прежнюю власть, было характерно для публикаций как первых лет СССР, так и периода перестройки. Хотя проблематика, естественно, разнилась, а уровень исполнения конца XX в. был на порядок выше, сенсационный характер содержания схож: преобладание публикаций по истории функционирования “прежней” власти как аппарата принуждения, интерес к оппозиционному движению. Различие состояло в том, что если в начале 20-х годов XX в. историк-марксист М.Н. Покровский говорил о политическом значении архивов, их главной функции – иллюстрировать документами решения партии¹⁰ (что хорошо просматривалось и в публикациях 60–70-х годов XX в.), то в конце века фундаментальные серии документов иллюстрировали авторитарный характер этих же партийных решений советской власти.

В постсоветский период вплоть до 10-х годов XXI в. финансирование археографических проектов осуществлялось у нас не только и не столько архивными учреждениями, которые традиционно занимаются в России публикацией источников. Это способствовало существенному и быстрому расширению археографического фонда, что в условиях сужения финансирования, лишения архивов статуса научных учреждений было положительным моментом. Однако этот же процесс, в связи с уменьшением финансирования исторической науки вообще, не привел к полноценному развитию публикаторской деятельности в институтах, университетах, академических исследовательских центрах, – как это существует в ряде зарубежных стран. Археография всегда была занятием дорогостоящим, требовавшим капитальных затрат, и до тех пор, пока издание многотомных (но нередко и сравнительно небольших) проектов оправдывалось идеологическими соображениями, средства особенно не считали. В постсоветский же период публикации источников в силу нечеткости политических установок власти, более либеральной системы доступа в архивы перестали быть исключительным правом “высоких сфер”.

Результаты, однако, имели определенное сходство – отторжение либо скептическое восприятие истории собственной страны. Это стало одной из важных причин, с одной стороны, раскрепощения сознания, но с другой, – однобокости подходов при изучении недавнего прошлого. Предельно тщательному, нередко одностороннему “сканированию” была подвергнута в итоге вся советская эпоха, – точно так же, как в довоенный период история самодержавной России. Аккуратно выстраиваемая прежде система идеологически выверенных публикаций уступила место, на первый взгляд, совершенно новым (в смысле открывания “белых пятен”) документальным изданиям. Это сближало советские публикации 20–30-х годов XX в. с документальными изданиями 90-х годов XX в. – начала XXI в.

В итоге сегодня в целом мы располагаем значительным фондом из сотен тысяч опубликованных источников, которые открывают “мрачное прошлое” советской эпохи, едва ли не подокументно изучают общественную жизнь императорской и республиканской России рубежа XIX–XX вв. и в целом дают возможность исследования-реконструкции ряда сюжетов недавнего прошлого. С известными пробелами эти

¹⁰ См., например: *Покровский М.Н.* Политическое значение архивов. М., 1925.

богатые комплексы были обобщены в справочниках И.А. Кондаковой¹¹. Но вместе с тем некоторые страницы уникального советского эксперимента освещены односторонне, на уровне фактологического подхода. Вероятно, противоречивость той эпохи определяет крайности в ее исследовании. А между тем проблемы не выборочного, не “юбилейного” характера выпуска археографических изданий актуальны как никогда (впрочем, здесь многое упирается в финансирование, которое даже при тенденции на повышение не поспевает за открывающимися возможностями).

Вопрос “репертуара” археографических проектов наглядно показывает, что публикации в значительной степени воспитывают и формируют профессиональное сознание, прежде всего специалистов, а уже затем – общественное мнение. Изучение того, какие виды источников и в какие периоды, по каким проблемам вовлекались в научный оборот способно в большей степени, чем историография, показать причины лагун и искажений в профессиональном сознании. История археографии, уровень археографической культуры¹² существенно дополняют общую картину формирования национальных традиций в области гуманитарного знания, проблем организации науки, показывают важность документальных публикаций для сохранения свободного информационного пространства, долгосрочных научных приоритетов.

Подобная “рефлексия” археографии является ее фундаментальным свойством. Именно поэтому труд археографа – миссия огромной важности, а публикаторская деятельность не должна становиться заложницей очередных мифов. Вопрос не ангажированного подхода к публикаторской деятельности сегодня актуален – чтобы “пирамида” нашего сознания вновь не перевернулась.

¹¹ Кондакова И.А. Открытый архив. Справочник опубликованных документов по истории России XX века из государственных и семейных архивов. М., 1997; *ее же*. Открытый архив-2. Справочник сборников документов, вышедших в свет в отечественных издательствах в 1917–2000 годах. М., 2005.

¹² Под археографической культурой мы понимаем совокупность запросов исторической науки в каждый определенный период и тех идей в области теории и практики археографии, которые делают возможным наиболее объективное и полное освещение актуальной проблематики. Впервые это понятие, хотя и без четкой формулировки, было введено в научный оборот С.О. Шмидтом, и, по нашему убеждению, является одним из основополагающих в археографии наряду с “археографическим фондом”, “археографической базой” и др.